

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Т. А. ИВАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

(К вопросу о происхождении именительного-винительного падежа множественного числа мужского рода на *-á* в русском языке)

Русское новообразование на *-á* (*городá*) в форме им.-вин. падежа мн. числа от имен существительных мужского рода вызвало многочисленные разыскания, с одной стороны, направленные на разрешение вопроса о причинах и условиях появления форм на *-á*, с другой — рассматривающие ее распространение и функционирование в русском литературном языке (таковы, например, работы Греча и Востокова, Болье и Чернышева и т. п.).

О происхождении форм им. падежа мн. числа на *-á* было высказано три гипотезы. В 1888 г. А. И. Соболенский образование указанных форм в русском языке поставил в связь с переходом имен собирательных женского рода типа *господа*, *сторожа* в категорию множественного числа¹. И. В. Ягич в известной рецензии на работу А. И. Соболевского, справедливо признав точку зрения последнего мало убедительной, высказал предположение, связывающее появление форм им. падежа мн. числа на *-á* в русском языке с влиянием имен существительных среднего рода². Дальнейшую разработку взгляды Ягича получили в трудах Л. А. Булаховского и Б. Унбегауна. Отсутствие указания на ближайшие причины, вызывавшие лишь в русском языке подобное влияние среднего рода, является основным недостатком как работы самого И. В. Ягича, так и работ Л. А. Булаховского и Б. Унбегауна и делает эту гипотезу мало приемлемой³.

С именем А. А. Шахматова связано новое объяснение происхождения им. падежа мн. числа на *-á*⁴. По мнению Шахматова, в русском языке продолжали сохраняться, приобретая значение множественного числа, некоторые формы двойственного числа, утрата которого была пережита всеми восточнославянскими языками в XIV в. К числу таких форм может быть отнесена форма им.-вин. падежа дн. числа *о-основ* мужского рода.

¹ А. И. Соболенский, Лекции по истории русского языка, Киев, 1888, стр. 152—154.

² И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889.

³ Ср. в этом отношении справедливое замечание С. П. Обнорского: «Что касается влияния форм ср. рода на *-á*, то оно теоретически и лишь в диалектическом масштабе возможно, хотя неясны оставались бы при этом предположении ближайшие причины такого влияния» (С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, Л., 1931, стр. 3).

⁴ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. III, СПб., 1910—1911, [литогр. изд.], стр. 501—505; е го же, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 140—145.

Эта форма продолжала сохраняться в русском языке, но-первых, в положении после числительных два, три, четыре, где она стала осознаться как форма род. падежа ед. числа (*два, три, четыре брата*). Во-вторых, в подвижноударяемых основах эта форма, отличаясь от формы род. падежа ед. числа, могла сохраняться, приобретая множественное значение, и не после числительных (*городá, лесá, лугá*). «По-видимому, однако, — замечает Шахматов, — такие формы извлечены были из соединения с числительными (не только с *два*, но. . . и с *три, четыре*). . . старые формы дн., как например *городá, голосá*, заменялись в положении после числительных формами родительного падежа; но до такой замены, раньше чем она наступила, *городá, голосá*, употребленные без числительных, получили значение множественного числа»¹.

Таким образом, А. А. Шахматов в истории конструкций с числительными различает три этапа: а) *два брата, два городá при три брата, четыре городи* — сохранение дв. числа; б) *два, три, четыре брата* и *два, три, четыре городá* — развитие мн. значения у форм дв. числа; в) этот период и происходит выделение форм им. падежа мн. числа на *-á*; в) *два, три, четыре гóрода* из *два, три, четыре городá* под влиянием *два, три, четыре брата*.

Развитие множественного значения в словах, означающих парные предметы, по мнению Шахматова, происходило самостоятельно. На это указывают возможные формы им. падежа на *-а* от данных существительных в других славянских языках (например, укр. *поводá, вóса, рукáва*), а также возможность образования в русском языке им. падежа мн. числа на *-á* от неподвижно ударяемого существительного *рукав* — *рукавá*.

Гипотеза Шахматова долгое время являлась господствующей в нашей науке. Однако в 1920 г. Ван-Вейк выделил положение о безударности окончания им.-вин. падежа дв. числа в славянских языках². Л. А. Булаховский, приняв давнее положение Ван-Вейка, пересмотрел пущданшуюся в связи с этим в исправлении гипотезу Шахматова³. Л. А. Булаховский привел дополнительные материалы, обосновывающие положение о безударности славянского окончания им.-вин. падежа дв. числа имен существительных мужского рода о-основ⁴.

Некоторые факты древнерусского языка, широко отраженные памятниками письменности, свидетельствуют о правильности положения Ван-Вейка—Булаховского. К числу таких фактов прежде всего следует отнести употребление формы род. падежа ед. числа от имен существительных женского и среднего рода в сочетании с числительными *два, три, четыре*, которое, по единогласному утверждению всех историков русского языка, обязано аналогии с именами мужского рода⁵.

Но если это так, то при сочетании с числительными *два, три, четыре* в словах мужского рода употреблялась форма, осознавшаяся как форма род. падежа ед. числа, т. е. *два, три, четыре гóрода*, но не *два, три, четыре городá*. О том, что эта форма в словах мужского рода понималась именно как род. падеж ед. числа, с несомненностью говорят случаи упо-

¹ А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. III, стр. 503.

² N. van Wijk, Zur Betonung der slavische Duals, «Neophilologus», V, 2, 1920.

³ Л. А. Булаховский, Заметки по русской морфологии, «Slavia», год VI, seš. 4, 1928.

⁴ Е. Г. Ж. Е., Интонация и количество форм dualis именного склонения в древнейшем славянском языке, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 4.

⁵ См., например: А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 3-е изд., М., 1903, стр. 204; А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV века, СПб., 1903, стр. 127.

гребления формы на -у при сочетании с числительными (ср., например, *на два году, два корму*)¹.

Попытаемся кратко осветить историю появления формы им. падежа мн. числа на -á, как она представлена в памятниках древнерусской письменности XVI—XVII вв.

*

Единичное употребление форм им. падежа мн. числа на -á от подвижноударяемых слов мужского рода отмечено в памятниках письменности с конца XV в. В изученных памятниках XVI—XVII вв.² рассматриваемые формы встречаются значительно чаще и от определенного ряда слов уже регулярно. В памятниках XV—XVII вв. следующие формы на -á употребляются в значении им.-вин. падежа мн. числа: *глаза, города, жернова, колокола, леса, луга, мастера, месяца, образа, рога, снега, сторожа, струга, стула, суда, тагана*.

В памятниках XVII века им. падеж мн. числа *глаза* употребляется постоянно³, форма *глазы* отсутствует. Однако Б. Унбегауп в памятниках XVI в. форму на -á не отмечает⁴.

Употребление формы *города* отмечено уже с конца XV в. (Западнорусская летопись Авраамки 1495). Однако им. падеж мн. числа *города* в памятниках XVI—XVII вв. встречается очень редко⁵. Употребление старой формы *городы*, по указанию Б. Унбегаупа, являлось обычным в письменно-деловом языке XVI в.⁶ Преимущественное употребление этой формы находим в памятниках письменности XVII в. Интересно отметить, что форма *города* отсутствует в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.

Форма *жернова* неоднократно употребляется в памятниках письменности XVI—XVII вв.⁷ параллельно с формой *жерновы*. Последняя особенно часто употребляется в сочетании с числительными типа *одни-двои* (*двои жерновы*)⁸, хотя употребление ее возможно и вне сочетаний с подобными числительными.

¹ См. А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV века, стр. 127.

² «Акты Московского государства», т. I — Разрядный приказ, СПб., 1890 (АМГ); «Акты Оскольского края. (Из собрания старинных актов о Курской губернии князя Н. Н. Голицына, «Труды Курск. губ. статист. к-та», вып. I, Курск, 1863) (АОК); «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», под ред. Н. Калачова, т. I, СПб., изд. Археогр. ком., 1857 (АЮБ); «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства», СПб., изд. Археогр. ком., 1838 (АЮ); «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова», собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником, кн. I—II, Воронеж, 1850 (ГВК); «Город Кашия. Материалы для его истории, собранные П. Я. Кункиным», вып. I—II, М., 1903—1905 (ГК); «Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Писковым», СПб., 1854 (ГРК); «Донские дела», кн. I, IV («Русск. ист. б-ка», тт. XVIII, XXIX), СПб., 1898, 1913 (ДД); «Дела тайного приказа», кн. III («Русск. ист. б-ка», т. XXIII), СПб., 1904 (ДТП); «Писцовые книги Рязанского края», под ред. В. Н. Сторожева, т. I, вып. I—III, Рязань, 1898—1904 (ПКР); «Писцовые книги Тульского края», ч. I, Тула, 1914 (ПКТ); «Письма русских государей и других особ царского семейства», тт. I—IV, М., 1861—1862 (ПРГ); «Сборник грамот Коллегии экономии», тт. I, II, Л., 1922, 1929 (СКЭ).

³ АЮБ, I, стр. 15 и 23; АЮ, стр. 215—216; ПКТ, стр. 80; И. В. Ягич, Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII-го столетия, ИОРЯС, т. II, кн. 1—2, 1897, стр. 299.

⁴ В. Унбегауп, La langue russe au XVI-e siècle, Paris, 1935.

⁵ ДД, I, стр. 276 и 496; ДД, IV, стр. 280; АМГ, стр. 583; ГК, стр. 50.

⁶ В. Унбегауп, указ. соч., стр. 212, 221—222.

⁷ И. В. Ягич, указ. соч., стр. 115; АЮБ, I, стр. 360; СКЭ, II, стр. 348; «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий», собрал и приготовил к печати П. Сиоми, вып. I—II, СПб., 1899, стр. 96.

⁸ СКЭ, I, стр. 609.

Хотя Б. Унбегаун в памятниках письменности начала XVI в. отметил лишь форму *колоколы*¹, им. падеж мн. числа на *-а* встречается постоянно и регулярно в разнообразных памятниках делового языка, писанных в разных областях Московского государства, уже с XVI в.²

Форма им. падежа мн. числа *леса* встречается в наших памятниках постоянно³. Однако наряду с этой обычной уже в письменных документах XVII в. формой употребляется изредка, но на протяжении всего столетия и форма *леса*.

Форма им. падежа мн. числа на *-а луга* употребляется в наших памятниках не часто⁴; более обычной для языка XVI—XVII вв. была форма *луги*. Форму *мастера* приводит в своей работе Б. Унбегаун⁵. В наших памятниках форма *мастера* не отмечена, в картотеке ДРС она датируется лишь XVIII в. Старая форма *мастеры* была более обычной и сохранялась вплоть до начала XVIII в. Им. падеж мн. числа *месяца* встречается редко и лишь в памятниках XVII в.⁶ Более употребительной в языке XVII в. была старая форма на *-ы*.

Им. падеж мн. числа *образа* употребляется также редко⁷, более обычна еще и в XVII в. была старая форма на *-ы*. Им. падеж мн. числа *рога* употребляется исключительно в том случае, когда это слово имеет парное значение (рога животного)⁸; при иных значениях слова возможно употребление и формы *роги*. Употребление форм *снега*⁹, *сторожа*¹⁰, *струга*¹¹, *стула*¹², *суда*¹³ и *тагана*¹⁴ в памятниках XVI—XVII вв. единично; более обычными в то время были от этих слов старые формы на *-ы(-и)*.

От иных слов, образующих в современном русском языке форму им. падежа мн. числа на *-а*, в изученных памятниках отмечена только форма им. падежа мн. числа на *-ы(-и)*. Таковы, например, *береги*, *волосы*, *годы*, *голоди*, *доми*, *кормы*, *неводы*, *парусы*, *погребы*, *стоги*, *хлевы*¹⁵. Правда, от некоторых из этих слов формы им. падежа мн. числа на *-а* датируются началом XVIII в. Таковы, например, *берега*¹⁶, *дома*, *паруса*, *погреба*¹⁷.

Некоторые формы им. падежа мн. числа на *-а*, отмеченные выше, требуют специальной оговорки.

1. Форма *колокола* может пониматься как форма среднего, а не мужского рода. См. указание С. П. Обнорского на употребление им. падежа

¹ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 212.

² См. А. И. Соболевский, Лекции..., стр. 215; СКЭ, I, стр. 718; СКЭ, II, стр. 26, 462, 525, 700, 708; ДД, IV, стр. 817; ПКР, I, стр. 260, 263, 270, 302, 312, 315, 321, 341, 382; ПКР, II, стр. 472, 473, 475; АЮ, стр. 253—254; ГК, I, стр. 24—25.

³ СКЭ, I, стр. 678, 679; СКЭ, II, стр. 44, 137, 151, 233, 254, 255, 281, 292, 314, 352, 492, 660, 796; ГВК, II, стр. 149, 151; ГК, I, стр. 50; АОН, стр. 370; ПКТ, стр. 159; АЮБ, I, стр. 377 и т. д.

⁴ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 212—213; ПКР, I, стр. 373; АМГ, стр. 267, 268; ДД, I, стр. 827, 830; ДТП, стр. 45; ПКТ, стр. 126, 174.

⁵ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 213.

⁶ А. А. Шахматов, Курс..., ч. III, стр. 504; картотека ДРС.

⁷ ГРК, стр. 51—54; картотека ДРС.

⁸ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 221; ПКР, II, стр. 453.

⁹ «Летописец русский. (Московская летопись)», под ред. А. Н. Лесбедева, М., 1895, стр. 69.

¹⁰ ГК, I, стр. 47—48.

¹¹ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 213.

¹² ПКР, I, стр. 3; картотека ДРС.

¹³ В. Унбегаун, указ. соч., стр. 218.

¹⁴ А. И. Соболевский, Лекции..., 3-е изд., стр. 218.

¹⁵ ПКР, II, стр. 730; ПКТ, стр. 165; АЮБ, I, стр. 16; ДД, I, стр. 914; АЮ, стр. 78; ГВК, I, стр. 104; ДД, I, стр. 985; ДД, IV, стр. 66; АЮ, стр. 369; СКЭ, II, стр. 375; ДТП, стр. 340; ГК, I, стр. 4—5.

¹⁶ ПРГ, I, стр. 105.

¹⁷ «Письма и бумага Петра Великого», СПб.: т. IV, 1900, стр. 273, 481; т. V, 1907, стр. 238.

ед. числа ср. рода *колоколо* в современных русских говорах и в памятниках древнерусской письменности¹. Однако в изученных памятниках письменности форма *колокола* обычно соотносительна в единственном числе с мужским, а не средним родом. Например, «церковь», «образа и колокола, и ризы строение мирское. . . а на другой башне колоколъ вестовой»².

2. Вероятно, формы им. падежа мн. числа *рога*, а также *глаза* следует возводить к старым формам дв. числа, в которых, однако, произошло изменение ударения по аналогии с новообразованиями в им. падеже мн. числа. Ср. в этом отношении отмеченную А. И. Соболевским форму *рога* со старым ударением дв. числа: *поздророгу рѡга на губе* (Кирилло-белозерский сборник 1492 года, 488)³.

Изученный материал позволяет сделать следующие существенные для дальнейшего изложения выводы.

1. Можно заметить, что большинство слов, образующих в XV—XVII вв. им. падеж мн. числа на *-ѧ*, входит в состав обиходно-бытовой лексики, т. е. свидетельствует о том, что им. падеж мн. числа на *-ѧ* является новообразованием разговорного языка той эпохи. В этом отношении очень показательны, что употребление указанной формы встречается в памятниках практического назначения (грамоты, писцовые, межевые, приправочные книги, различные акты, судебные дела и т. п.). Нужно учитывать, однако, что, отражая черты живой речи, язык деловых документов, как любой письменный язык, отличался от разговорного языка той эпохи, в котором, несомненно, употребление формы им. падежа мн. числа на *-ѧ* было более широким.

В памятниках книжного языка примечательно почти полное отсутствие рассматриваемой формы. Среди указанных выше форм только *снега* (Летопись) и *месяца* (Стоглав) извлечены из памятников подобного характера. К тому же *месяца* имеется только в списке XVII в., в списке же XVI в. сохраняется старая форма на *-и*⁴. Архаичные формы на *-ы(-и)* закрепляются в памятниках церковно-книжного языка. Показательно в этом отношении и то, что в современном литературном языке у ряда книжных слов с подвижным ударением сохраняется им. падеж мн. числа на *-ы(-и)*. Таковы, например, *дары*, *миры*, *раи*, *образы* (при конкретном: *образѧ*), *громы*, архаич. *гробы* (при разговорном *гробѧ*) и др.

2. Употребление им. падежа мн. числа на *-ѧ* отражено в памятниках письменности, написанных в различных местах русского государства. Эта форма одинаково употребительна как в севернорусских (новгородских, вятских, колыских, кашинских и др.), так и в южнорусских (рязанских, тульских, воронежских, донских, оскольских и др.) документах. В московских грамотах и актах эта форма встречается постоянно. Такому свидетельству памятников письменности соответствует материал современных русских диалектов: им. падеж мн. числа на *-ѧ* имеет почти повсеместное, хотя и неравное распространение⁵. В ряде говоров, преимущественно в южновеликорусских, наблюдается более широкое по сравнению с литературным языком употребление формы на *-ѧ*; в других говорах, наоборот, распространение им. падежа мн. числа на *-ѧ* незначительно. Необходимо также отметить отсутствие употребления указанной формы в тех говорах

¹ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927, стр. 33.

² ГРК, стр. 51.

³ А. Соболевский, Из истории русского языка, ЖМНП, 1894, ноябрь, стр. 31.

⁴ «Стоглав», М., 1890, стр. 392.

⁵ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, стр. 3, 8—18, 20—22, 28—33, 38—44, 50.

русского языка, которые находятся на границе русской и украинской или белорусской территории¹. Несомненно, что это явление связано с влиянием украинского и белорусского языков, для которых вообще характерно отсутствие образования им. падежа мн. числа на *-á*.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно признать, что, во-первых, форма им. падежа мн. числа на *-á* явилась сравнительно поздним новообразованием общенародного русского языка (ср. отсутствие этой формы в украинском и белорусском языках и отражение формы на *-á* в памятниках русской письменности лишь с конца XV в.), во-вторых, появление ее связано с таким морфологическим процессом, который во всех русских говорах протекал в одном направлении.

*

А. А. Шахматов высказал предположение, что появление им. падежа мн. числа на *-á* явилось следствием утраты в русском языке категории дв. числа. Выше было отмечено, что эта гипотеза не может считаться состоятельной по акцентологическим причинам. Тем не менее вполне возможно, что появление рассматриваемой формы находится в непосредственной связи с утратой в русском языке категории дв. числа.

Формы дв. числа, как известно, могли употребляться в языке, когда речь шла о двух предметах или лицах, а также при обозначении парных предметов; при этом они могли сочетаться с числительными *два* и *оба*.

В эпоху разрушения категории дв. числа судьба различных случаев употребления форм дв. числа была неодинаковой. В первом случае во всех восточнославянских языках произошла утрата форм, вызванная утратой соответствующего значения. Во втором случае формы им.-вин. падежей дв. числа могли в языке сохраняться, приобретая множественное значение. Ср., например, совр. *плечи, колени, очи, уши* и др. Возможно, что формы им.-вин. падежа дв. числа имен парных мужского рода в русском языке растворились в многочисленных новообразованиях им. падежа мн. числа на *-á*, уподобившись им по ударению. Ср. такие формы мн. числа, как *рога, бока*, употребление которых в значении дв. числа засвидетельствовано памятниками письменности XI—XIV вв.² Без сомнения, также формой дв. числа является по происхождению и им. падеж мн. числа на *-á* от слова с неподвижным ударением *рукава*. Подобная трансформация древних форм дв. числа в категорию множественности наблюдалась и в других славянских языках (укр. *поводá, вуса, рукава*, болг. *крака, рога*).

Однако эти формы не могли явиться источником новообразования им. падежа мн. числа на *-á*, так как они не характеризовались ударяемостью окончания и к тому же составляли немногочисленную группу, объединенную узким значением парности.

Что касается употребления форм дв. числа в сочетании с числительными *два* и *оба*, то изменения их, вызванные утратой категории дв. числа, в русском языке были отличны от изменений тех же сочетаний в других славянских языках. Это обстоятельство, а также то, что слова, не употребляющиеся при счете (вещественные и *pluralia tantum*), в современном языке редко образуют им. падеж мн. числа на *-á*, заставляет предположить, что в русском языке указанное образование было связано именно с историей этих сочетаний.

Как уже выше было отмечено, формы им.-вин. падежа дв. числа мужского рода *о*-основ совпадали по звуку и ударению с формой род. падежа

¹ См. там же, стр. 52.

² И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, СПб.: т. I—1893, стр. 143; т. III—1912, стр. 131.

ед. числа. Следствием этого совпадения явилось то, что с утратой категории дв. числа формы имен существительных мужского рода с числительными *два* и *оба* стали осознаваться в языке формами род. падежа. Одно-временным или, возможно, следующим этапом разрушения категории дв. числа в русском языке явилось смещение двух систем счета, направленное к обобщению их и к выделению сочетаний с числительными *два*, а также *три*, *четыре* в особую грамматическую категорию, удачно названную Р. Ф. Брандтом «ограниченным числом»¹. Однако в течение продолжительного периода времени памятники письменности отражают непоследовательное употребление форм имен существительных в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре*. Отсутствие морфологической нормы в употреблении этих конструкций характерно для языка XVI—XVII вв.

Изредка в памятниках письменности этого времени отражено традиционно соотносительное употребление старых форм: *два лука*, но *три луки*², *два рубежа*, но *три рубежи*³; *три дворы*. . . *три села*. . . *четыре дворы*. . . *да два двора*⁴.

Более обычным в это время было безразличное употребление формы им.-вин. падежа мн. числа как с числительными *три*, *четыре*, так и с числительным *два*. Например: *три годы*, *четыре годы*⁵, но и *два годы*⁶.

Отмечая в языке XVI—XVII вв. употребление в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* форм им. падежа мн. числа от имен мужского рода, можно предположить, что в именах среднего рода также употреблялась форма им. падежа мн. числа. Например, *два*, *три*, *четыре бкна*, *места* и т. п. Ср. в этом отношении вывод, сделанный А. А. Шахматовым в «Исследовании о Двинских грамотах XV в.», о значении форм среднего рода на -а: «в наших грамотах после *три*, *четыре* употребляются еще формы множественного числа: на *д* пузы № 3, три оучастки № 12... Поэтому поля, села, лета в три поля № 1, г поля № 5, 35, три села № 90, ти три села № 90, на три лѣта № 99 надо признать формами множественного числа». И далее: «*к* поля № 35 читайте: *дна* поля, *при три* поля»⁷.

Все же в языке XVI и особенно XVII в. в конструкции с числительными *два*, *три*, *четыре* более распространенным было употребление формы род. падежа ед. числа. Но вместе с тем окончательная нормализация употребления этой формы в сочетаниях с числительными произошла только в XVIII в.

Можно указать на многочисленные случаи подобного употребления в языке XVI—XVII вв., например *два двора*, *да четыре анбара*⁸; *2 двора крестьянских 4 двора бобыльских*⁹. То же в употреблении имен среднего рода: *два места онбарныхъ*¹⁰; *два места дворовыхъ*¹¹.

Таким образом, можно признать, что в русском языке вследствие утраты дв. числа обнаружилась тенденция к выделению сочетаний с числительными в особую грамматическую категорию. Это выделение шло в двух

¹ Р. Ф. Брандт, О двойных формах и об ограниченном числе, «Новый сборник статей по славяноведению», сост. и изд. учениками В. И. Ламаевского, СПб., 1905.

² Грамота 1556, СКЭ, II, стр. 437, 445.

³ Грамота 1567, ПКР, II, стр. 444.

⁴ ПКР, 1575; ГРК, стр. 36.

⁵ Грамота 1574—1575; СКЭ, I, стр. 843; II, стр. 454, 458; 1612, АЮ, стр. 67; 1649, ДД, IV, стр. 163, 181; 1666, АЮБ, I, стр. 281, 412.

⁶ 1604, АЮ, стр. 156, 195; 1654, ГК, I, стр. 64 и т. п.

⁷ А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV века, стр. 126. 129.

⁸ Моск. грамота 1556, СКЭ, II, стр. 438.

⁹ Насимовск. писц. кн. 1628—1629, ГРК, стр. 66.

¹⁰ Кольск. отд. кн. 1607, СКЭ, II, стр. 467.

¹¹ Рязанск. писц. кн. 1628—1629, ПКР, III, стр. 767.

направлениях: во-первых, по пути обобщения двух систем счета, во-вторых, по пути единообразного употребления в конструкции с числительными *два, три, четыре* формы род. падежа ед. числа от имен всех родов.

Установившиеся по аналогии для имен среднего рода отношения вызвали в свою очередь обратное влияние. Под влиянием формы *два, три, четыре гброда* явилась форма *два, три, четыре мѣста* (из *дѣѣ мѣстѣ* и *три, четыре мѣстѣ*). Но так как в языке XV—XVII вв. наряду с формой род. падежа ед. числа в сочетании с числительными употреблялась и форма им.-вин. падежа мн. числа (*два, три, четыре гброды* и *два, три, четыре мѣстѣ*), то по аналогии соотношений *два, три, четыре мѣста* — *два, три, четыре мѣстѣ* и просто *мѣстѣ* стало возможным в определенных основах мужского рода образование именительного падежа множественного числа на -ѣ: *два, три, четыре гброда* — *два, три, четыре городѣ*¹ и просто *городѣ*, как и в именах среднего рода.

Установлению подобной соотносительности между формами им. падежа мн. числа мужского и среднего рода: *городѣ* — *мѣстѣ*, возможно, благоприятствовало то обстоятельство, что в иных основах среднего рода форма им. падежа мн. числа была соотносительна с формой мужского рода. Ср. формы им.-вин. падежа мн. числа среднего рода на -ы: *вѣдры, окны, брѣвны, озѣры, пятны* и т. п., которые отражены в памятниках древнерусского языка и широко распространены как в южнорусских, так и в севернорусских диалектах².

Обычный синтаксический параллелизм в употреблении им. падежа мн. числа и сочетания с числительным создавал благоприятные условия для закрепления в языке новообразованной формы. Ср. «два села на Паденге. . . и те села ведаеть игумень»³; «а есть де на Мезени реке противъ тое жъ ущельи два островка. . . а въ сотной де грамоте те островки не писаны»⁴; и особенно: «дано столовому истопнику Евсенью Икониникову, за два киота жестяныя. . . Взято у него те киота. . .»⁵.

Естественно, что образование им. падежа мн. числа на -ѣ могло осуществляться только в тех основах мужского рода, которые, как и основы среднего рода, характеризовались подвижностью ударения. Это были те основы, которые некогда имели краткий или нисходяще-долгий гласный корня — преимущественно несuffиксальные двусложные образования на твердый согласный. Слова этого типа имели подвижное ударение двух видов: 1) *луги, лугѣ* и 2) *круги, кругѣ*. Сопоставление с данными современного русского языка, как литературного, так и диалектов, позволяет предположить, что слова, характеризовавшиеся безударностью окончания в им. падеже мн. числа, явились основой новообразований на -ѣ.

Наоборот, слова с ударенным окончанием -ѣ(-ѣ) оказались более устойчивыми в сохранении старой формы⁶. В этом отношении очень любопытны некоторые диалектологические сообщения. Например, В. Резанов, отмечая в обоянском говоре употребление им. падежа мн. числа на -ѣ, вместе с тем замечает, что в этом же говоре некоторые слова образуют им. падеж мн. числа только на ударенное -ѣ: *лѣсѣ, дамѣ* и др.⁷. Ср. также исключи-

¹ Ср. «два-те глазѣ успуни. . .» (Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, Пг., 1915, стр. 65).

² А. А. Шахматов, Курс . . . , ч. III, стр. 539.

³ Моск. гр. 1470, СКЭ, II, стр. 651.

⁴ Моск. гр. 1615, СКЭ, II, стр. 609.

⁵ 1674, ДТН, III, стр. 283.

⁶ В. Унбеган, указ. соч., стр. 216.

⁷ В. Резанов, К диалектологии великорусских наречий, ГФВ, т. 38, № 3—4, 1897, стр. 115.

тельное употребление в юго-западных говорах формы им. падежа мн. числа на *-ѣ* в соответствии *-ѣ* литературного языка ¹.

Наконец, надо отметить, что среди подвижноударяемых основ мужского рода оказались некоторые семантически объединенные группы слов (имена вещественные, *pluralia tantum* и имена одушевленные), для которых образование им. падежа мн. числа на *-ѣ* оказалось первоначально невозможным. В отношении имен вещественных и *pluralia tantum* это может объясняться тем, что данные разряды существительных с количественными числительными не сочетались. Что касается подвижноударяемых имен одушевленных (ср. *волки, боги, бесы, трѣсы, моты, воры, дѣхи*), то этот разряд имен существительных мужского рода по семантическим причинам оказался вне влияния имен среднего рода ². В связи с этим одиночное употребление в языке XVI—XVII вв. форм *сторожа* и *мастера* нуждается в особом объяснении. Им. падеж мн. числа *сторожа* по происхождению является старым именем собирательным женского рода, которое вследствие своего значения, как и слова *братья, господа* и некоторые другие, перешло в категорию мн. числа ³. Относительно им. падежа мн. числа *мастера*, может быть, следует предположить, что это слово некогда имело собирательное значение, а поэтому оказалось в сфере влияния имен собирательных.

История сочетаний имен существительных с числительными *два, три, четыре* в украинском и белорусском языках также подтверждает справедливость предложенного объяснения: и в том и в другом языке отсутствовало взаимовлияние в сочетаниях с числительными форм мужского и среднего рода. В украинском языке при числительных *два, три, четыре* закрепилось употребление формы им. падежа мн. числа, но с древним ударением дв. числа. Таковы формы: *два брѣти, два дѣби, два зѣлоси, два відрѣ, два вікнѣ, двѣ сестрѣ, двѣ веснѣ* (ср. им. падеж мн. числа *братѣ, дубѣ, відрѣ, вікнѣ, сестрѣ, веснѣ*). В диалектах украинского языка возможно сохранение при числительных *два, три, четыре* форм дв. числа, например *два чоловіка, двѣ селѣ, двѣ руці, двѣ сестрѣ* и т. д.

Таким образом, обобщая все изложенное, полагаем, что образование им. падежа мн. числа на *-ѣ* от имен существительных мужского рода находилось в прямой зависимости от изменений в русском языке сочетаний с числительными. Можно думать, что до тех пор, пока в сочетаниях с числительными не установилось единообразного употребления формы род. падежа ед. числа, т. е. до тех пор, пока эти сочетания не утратили соотносительности с общим склонением имен существительных, распространение формы им. падежа мн. числа на *-ѣ* было ограниченным.

По мере того как конструкции с числительными превращались в синтаксически обособленную категорию «ограниченного числа», в языке постепенно утрачивалась первоначальная зависимость образования им. падежа мн. числа на *-ѣ* от взаимовлияния в сочетаниях с числительными форм мужского и среднего рода и создавались новые условия, расширяющие границы образования в языке формы на *-ѣ*. Можно полагать, что окончательная утрата прежних соотношений произошла в XVIII в. Таким образом, установленное по памятникам письменности XVI—XVII вв. незначительное употребление форм им. падежа мн. числа на *-ѣ* находит себе объяснение в структурных особенностях языка той эпохи.

¹ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, стр. 52.

² Ср. И. В. Ягич, указ. соч., стр. 114—115.

³ А. И. Соболевский, Лекция..., 3-е изд., стр. 216; С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, стр. 19.